

2 February 2015

English and Russian only

**Committee on the Peaceful
Uses of Outer Space**
Scientific and Technical Subcommittee
Fifty-second session
Vienna, 2-13 February 2015

**Achievement of a uniform interpretation of the right of
self-defence in conformity with the United Nations Charter
as applied to outer space as a factor in maintaining outer
space a safe and conflict-free environment and promoting
the long-term sustainability of outer space activities**

Working paper submitted by the Russian Federation

V.15-00651 (E)

Please recycle

Achievement of a uniform interpretation of the right of self-defence in conformity with the UN Charter as applied to outer space as a factor in maintaining outer space a safe and conflict-free environment and promoting the long-term sustainability of outer space activities

Working paper submitted by the Russian Federation

• Issues of safety of space operations are closely interrelated with the development of guidelines for preventing conflict situations (conflicts of interests) in outer space

1. The development of guidelines for ensuring the long-term sustainability of outer space activities objectively sets a new vector in moving on towards emphasizing the needs associated with the safety of space operations and security of space activities in general. Owing to the ongoing work on these issues, as well as the results of work of the Group of Governmental Experts on Transparency and Confidence-Building Measures in Outer Space Activities, it has largely become possible to create an appropriate systemic background that makes it worth addressing all aspects of ensuring such safety and security in further detail, taking into account that good and useful ideas and proposals, both already formulated and being prepared, can transform into standards of conduct if a common concept, logic of implementation and regulatory capacities exist.

• Joint check of the procedure of recourse to, and the scope of the right of, self-defence in outer space should be appropriately correlated with the task of maintaining outer space for peaceful purposes and should add functionality to potential solutions in this area

2. The proposal to consider the legal basis and modalities for exercising the right of self-defence envisaged by the UN Charter, as applied to outer space, under the priority item on the agenda of the United Nations COPUOS concerning ways and means of maintaining outer space for peaceful purposes, addressed to the Committee in June 2013 in the Working paper submitted by the Russian Federation (A/AC.105/C.1/L.338), has an important meaning, which should be interpreted correctly. This initiative in no way contradicts the fundamental value of preserving outer space as a conflict-free environment, but, on the contrary, it is aimed at streamlining the logic of studying the interrelationships among all security factors in outer space and elaborating a joint systemic approach to ensuring such security. It could become an appropriate area for the efforts of both the Committee, which has been searching for its own identity in defining ways and means of maintaining outer space for peaceful purposes for a long time, and its two subcommittees. This Working paper should not be associated with the statement or implication of policy principles or interpreted as necessarily representing, in its entirety, a definitive official position on any particular aspect of the issue addressed. It is, rather, a part of the ongoing effort to overcome the stalemate in the discussions within the Committee on ways and means of maintaining outer space for peaceful purposes and assist in finding opportunities for the establishment of common criteria to deal with the problem of self-defence in outer space and reaching an agreed and comprehensive understanding of how to avoid unchecked discretion of States in the context of interpreting such self-defence.

• Interpretative approach as an alternative to the practice of departing from the provision of the UN Charter on self-defence as applied to outer space

3. It can be assumed with a sufficient degree of confidence that some delegations to the UN COPUOS share the view that the discussion of the issue of self-defence in outer space will by itself put into question the positive identity of contemporary international space law, still some regard any potential international arrangement on this issue as a threat of establishment of jus belli in the space field. Such understanding characterized by the lack of trust with regard to analyzing the issue of self-defence in outer space should be corrected. First, the exploration and use of outer space are regulated by the international law based on the UN Charter. Accordingly, the principle of self-defence itself is not an exception from the general context. Second, categorical denial of the advisability of addressing legal and other aspects of self-defence in outer space does not really seem reasonable under the circumstances where the evolving national architecture of security in outer space in a number of cases can arguably be deemed perfectly consistent with the principles of the UN Charter. It is apparent that self-defence is increasingly used as a generalized political and technical concept rather than an international legal notion. Consequently, there is a danger that States will not always be inclined to bring their strategies of self-defence in outer space into strict conformity with the provisions of the UN Charter, thus promoting discretionary regulation in this area. It is not about the advisability of addressing this issue, but about whether such good cause may be questionable under the conditions where the international policy-making is increasingly determined by the geopolitical interests that clearly project to outer space activities. Nevertheless, States should, however, pay particular attention to this issue, take a sober and comprehensive look at it and attempt to make a common judgement on the legal basis and modalities of self-defence in outer space. Such solution would really demonstrate that States take a responsible approach to the use of outer space.

• **Compelling need to pronounce on the situation and preferably work out an understanding based on a consistent and integrated conclusion**

4. The Russian Federation believes that the Member States of the Committee are able to identify positive cooperation aspects in this sphere which would be to review and jointly elaborate political and legal methods that ensure lawful and responsible interpretation of the right of self-defence as applied to outer space and to come to an agreement on the vital complex of objective assessments and conclusions shared by all. It would be useful to understand how self-defence category is understood in terms of political and technocratic logic and to what consequences a "free interpretation approach" can lead. There is ambivalence of understanding the substantive aspects of the issue of self-defence in space which reveals itself in associations developed, and conclusions made, by the academia as well as in the non-coinciding national regulations of this sphere. There is no certainty that the core self-defence criteria according to the United Nations Charter is being followed in the framework of national policy documents and will be properly considered in practice. The international community needs a set of tools to solve the issue of keeping outer space for peaceful purposes. Accordingly, the self-defence issue should be given a careful thought within the framework of the Committee. The maintenance of basic standards in the sphere of law and security should embrace the function of qualified interpretation of the principal of self-defence in outer space in full conformity with the basics of the international law enshrined first of all in the Charter of the United Nations.

• **General vision of results sought**

5. The goal of considering peculiarities of a hypothetical use of a right of self-defence in outer space would be to elaborate in a multilateral format a concept approach reflecting the balance of views and interests that should really exist in this sphere and should not be neglected. It would also be useful to elaborate and, perceptively, adopt regulation (even if they would not be mandatory by their nature) that within their potential would narrow down the prerequisites and grounds for random, biased and politically motivated interpretations of the principle of self-defence as applied to outer space providing baseline "safeguards" and mechanisms to prevent critical risks. If considered in its entirety, the task should be to elaborate methods of adequate and proportionate response to situations in outer space which are not ordinary in technical and legal terms.

• **References to self-defence in international practice and in national doctrines**

6. References to the right of self-defence provided by the United Nations Charter are not rare in international treaties. For example, the still valid Agreement between the USSR and the US on the Prevention of Nuclear War of 22 June 1973 stipulates that it is without prejudice, in particular, to the inherent right of self-defence in accordance with Article 51 of the Charter of the United Nations. It is presumed that by making such reservations in international treaties States undertake full responsibility for making a perfectly right decision on the existence of legal basis for considering any given situation as justifying practical self-defence. The right of self-defence appears in the draft Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space (PPWT), in the Code of Conduct for Outer Space Activities (Code of Conduct) and also in a number of national doctrines on outer space activities. The doctrines of various States are characterized by associating self-defence not only with Article 51 of the Charter of the United Nations but also with the customary international law and with the rules of behaviour in this sphere that have presumably evolved in international practice which the said States consider legally binding. Thus, it would be useful to get an overview of concepts that are typical for certain countries and that justify the use of self-defence in case of an "imminent danger/urgent necessity". It should be noted that such notions are not used in the Charter of the United Nations. The circumstances invoked require elaboration of a common understanding of how the right of self-defence could be realized in outer space according to a hypothetical scenario. Otherwise, different interpretations of legitimacy and mechanisms of such right in specific circumstances would only increase threats in case of incidents and conflicts of interests in outer space. Such incidents and conflicts do not necessarily have a military character – they can be caused by a malfunction, wrong decisions made out of the lack of information as well as by specific competition factors. On such occasions States and their policy-making establishments, when reacting to a certain negative situation in outer space, can adopt decisions that would not be fully adequate regarding the proportionality of reaction. To leave the problem of interpretation of the right to self-defence unresolved would mean that potential trouble risks in outer space which may not be completely excluded will only increase.

• **Domination in outer space holds sway over some national doctrines**

7. The Charter of the United Nations contains quite clear criteria for understanding general idea, modality and functions of the self-defence concept. Nevertheless, the evaluation criteria that may be used by States to decide whether there are grounds for using the right of self-defence as applied to outer space may vary in each individual case depending on the system of national interests and priorities that are largely formed on the basis of the national political culture. Therefore, there is a divergence of principles and maxims of interpretation of such right of self-defence and, accordingly, of approaches and technical decisions that are being elaborated, planned and realized on the basis of national policy documents and that add strategic content to self-defence as a political principle. Some of these documents traceably expand the interpretation of self-defence to include preventive actions (even though preventive self-defence is not permitted by the Charter of the United Nations). They also suggest that the proportionality that

should be included into the range of restrictions concerning the realization of the right of self-defence is not always properly presumed. There are cases of legitimization of the use of the right of self-defence in the absence of an armed attack (prior to the evolvement of circumstances associated with an armed attack). Operational and strategic components of a number of doctrines provide for a broad range of measures and activities based on an absolute meaning of a preventive/anticipatory self-defence. Such doctrines suggest an idea that, firstly, the self-defence function, its "technical" meaning and, accordingly, tactics, motivation and legitimacy of involving coercive measures are largely defined by the national policy documents and, secondly, self-defence perceptions, being susceptible to changes (due to political and other reasons or evolutionary development), in fact do not allow to adhere to the principle of interpretation identity of self-defence and to ensure the vitally important stability and clarity of this norm of the UN Charter as applied to outer space.

• **Non-use of force and self-defence**

8. The interpretation of the principle of self-defence in its extrapolation to the domain of outer space needs to be dealt with collectively and reasonably so that this area does not remain a "hush-hush zone". The ultimate goal of such efforts would be to clarify all the parallels and interactions between this principle and an equally universal principle of the prohibition of the threat or use of force. A straight statement of the issue of applying the above two universal principles of international law and establishing a clear correlation between them seems to present an opportunity to reach common understanding of what should be the pattern of behaviour and the logics of actions for States, which considerations and ethics should they be guided by in the sensitive area under consideration. Such understanding – if it took the form, e.g., of potential guidelines dealing specifically with this subject – would play a definite practical role in the frame of reference of real politics, thus not allowing States to fall into a system of contradictions and disproportionate reactions to possible crisis situations. It could also help to ensure that existing and any future concepts of the use of space approved at national or international levels (in the context of bloc/allied relations), that vest States with discretionary functions and powers, do not acquire dangerous "autonomous" dimension alienated from the fundamental principles, laid down by the UN Charter, which regulate lawful use of corrective and enforcement action. Such common understanding would preserve the fundamental premise that there can be no reasonable alternative whatsoever to the system of international law, and legal means should take absolute priority over political considerations.

• **References to self-defence in current initiatives pertaining to security in outer space**

9. As noted above, the draft PPWT and Code of Conduct contain the topic of self-defence. Radical difference between the two documents lies in the context of references to self-defence. In this sense, they take different, or in fact opposite approaches to self-defence. The draft PPWT sets out legally binding rules. Their implementation, within the proposed legal regime (outer space without weapons), would ensure the ban on the placement of weapons in outer space, the use or the treat of use of force against space objects. The draft PPWT contains a clause stating that its provisions shall be without prejudice to the right to individual or collective self-defence in accordance with Article 51 of the UN Charter. The implementations of PPWT would significantly narrow incentives to the hypothetical practical use of the right of self-defence. The draft Code of Conduct provides for a much broader exercise of the right of self-defence. The way this principle is supposed to be "activated", according to the document, raises serious concerns. The intrigue lies in the provisions of the draft Code of Conduct which stipulate that Subscribing States shall express their intention to refrain from any action that might bring about, directly or indirectly, damage to, or destruction of, space objects unless such action is motivated, apart from the UN Charter, including the right of self-defence, by the interests of reducing space debris and imperative safety considerations. In addition, of key importance is the fact that the document does not specify whether such an intention of States concerns their own space objects or foreign ones as well. It turns out that actually, it is all about reserving the possibility of using coercive measures, including for the "good cause" of reducing space debris, without obtaining the consent of a State which exercises jurisdiction and control over space objects in accordance with the international space law. As a result of such legitimization, unauthorized measures may essentially cease to be considered an international wrongdoing. In the context of prioritizing within the framework of the draft Code of Conduct, the factor of self-defence ceases to be an exception from the general procedure of ensuring security which is based on the non-use of force, and becomes a part of some kind of new foundation for taking coercive measures in outer space. It is necessary to carry out an assessment – in relation to the UN Charter and other universally recognized principles and norms of international law – of the adequacy of the proposed approach and the desire to establish a kind of a right to take actions which may have "the effect of the use of force". Such "reconstructions" of the basic norms of international law can be reasonably regarded as conflict provoking.

• **Reinterpretations of international law to fit policy**

10. In general legal sense, the concept of a "Code " is associated with a systematically structured set, or a systematically organized review, of regulations, or with a set of existing laws together with an unwritten law pertaining to a specific issue, which become an integral regulation system. Assuming that the draft Code of Conduct shall have the status attributes, to a large extent, of a fundamentally new (including in comparison with the 1967 Outer Space Treaty) set of rules, the scheme for the exercise of the right of self-defence provided for by that document (together with a greater emphasis on practicing coercive measures under other pretexts) and making self-defence a common option do require a careful analysis. Such models and concepts of creating – on the basis of a rather peculiar understanding of the

relationship between the categories of legality and expediency – a new architecture of "constructive interventionism", formally dictated by reasons of safety of space operations, will lead (by way of response) to the development, in the framework of national doctrines of outer space activities, of concepts of extended deterrence, more active forms of counterforce planning aimed at involving high risks for unauthorized supra-jurisdiction actions against foreign space objects. An expanded positioning of coercive measures, characteristic of the draft Code of Conduct (when coercive measures in self-defence, as well as similar measures dictated by considerations of reducing space debris, are treated as equivalent to each other in one and the same context), will quite predictably support the tendency towards blurring the line between the actual case of self-defence and other essentially unrestricted manifestations of approaches based on the use of force.

• Coherence in terminology

11. The methodology of rational decisions in the area under consideration requires resolving the issue of terminology which obviously tends to develop in a quite chaotic way. It is necessary to clarify a number of notions which are used both in the framework of the existing international space law and more broadly, for example, in the draft Code of Conduct, as well as in national policy documents on outer space. Important aspects of the study of the problems in this area are associated with such categories as "harmful interference", "hostile interference", "prohibitive interference", "malicious impact", "hostile events", "interference", "attempt to interfere", "state of danger/tension/threat". For instance, the term "harmful interference" which is quite appropriate in the framework of the general political guidelines stipulated in Article IX of the 1967 Outer Space Treaty, acquires a different meaning in the draft Code of Conduct due to the fact that harmful interference is actually supposed to be regarded as a reason for unauthorized supra-jurisdictional coercive measures against foreign space objects. Obviously, this concept, which is not detailed in the fundamentally different context, would predictably be interpreted in different ways depending on the circumstances. The task to develop standard operable definitions is also relevant in the context of the work on the subject of the long-term sustainability of outer space activities.

• Substantive conditions of resorting to self-defence

12. Qualifying any behavior (action) of a State as self-defence primarily involves the problem of interpretation and application of Article 51 of the UN Charter and other provisions thereof that form the system of maintaining international peace and security. In connection with outer space activities, this problem should also be considered directly in relation to the principles and norms of the international space law taking into account "strong points" as well as certain incompleteness of the legal regime on outer space. The right of self-defence according to the UN Charter specifies a potential and real possibility of a sanction in response to an armed attack against a State. This sanction is to be implemented through actions objectively connected with the counter use of force. Article 51 of the Charter provides for the most dangerous threat to existence of a State, that is an armed attack, being the reason for the resort to self-defence. In this case, self-defence as a legitimate coercive measure should be interpreted, essentially, as an exception from the general prohibition of the use of force or the threat of force and simultaneously as a mean to secure the norm to refrain from the use of force in the form of an armed attack. In any case, self-defence should be a follow-up to wrongful act on the part of another State. In formal legal terms, there is no intermediate stage between an armed attack and the use of the right of self-defence: a State can immediately react in its defence in the form of self-defence. The history of the drafting of the Charter, including records of the relevant negotiations, testify that it was supposed then that the right of self-defence may not occur prior to an armed attack.

• Sovereignty and sovereign rights

13. Beyond the characteristics stipulated by the UN Charter concerning illegal use of military force when such act threatens territorial integrity or political independence of a State, sovereignty of a State also appears in the definition of aggression adopted by the UN General Assembly (resolution 3314 (XXIX)). It is quite logical because territorial integrity and political independence may become targets of wrongful acts or be threatened namely by such acts precisely as a result of infringement on sovereignty, i.e. full authority of a State over its territory. Though there is no complete list of criteria to determine the prohibition of the use or threat of use of force in international relations, the Charter stipulates that the States should refrain from the threat or use of force not only against territorial integrity or political independence of any State but also in any other manner. Such important reservation obviously includes, *inter alia*, any actions preventing the exercise of sovereignty. The notion of sovereignty is naturally and inherently connected with the notion of sovereign rights that derive from the essence of sovereignty and mean specific rights of a State to extend its power over the objects or actions of individuals and legal entities not only within its territory but also outside it, as it should be specifically stipulated by international treaties. One of the sovereign rights of a State consists of exercising jurisdiction and control over space objects according to the norms of the international space law. Attention should be paid to the fact that such notion as "sovereign potentials" in outer space appears in national space doctrines. The prohibition of the use or the threat of use of force according to the concept stipulated by the UN Charter extends, *inter alia*, to actions aimed at preventing (restricting) the exercise of sovereignty. Though an intimate connection between sovereignty and derivative sovereign rights is undoubtful, the view is expressed in international legal doctrine that it would be erroneous to confound completely the exercise of sovereign powers with sovereignty itself. It would be

fundamentally important to clarify whether States hold a view that restriction of their sovereign rights in case of unauthorized negative influence on their space objects or destruction of such objects means, in exact terms, encroachment on sovereignty of those States, and that it provokes a situation whereby the exercise of sovereignty is prejudiced.

• **Threats in information space**

14. The task to clarify legal grounds for actions by way of self-defence as applied to outer space is objectively related to the problem of the study of international legal aspects of conflicts in information space and the potential adaptation of existing and development of new principles and norms of international law (including humanitarian law) as applied to information and communications technologies (ICTs) and related infrastructure. This refers to unauthorized and/or malicious impact involving ICTs and affecting information and communication networks and information transmitted via such networks, which represent core integral part of management of key infrastructure objects – not only military objects, but also objects containing dangerous forces (according to the concept formulated in international humanitarian law). Relevant issues related to objects that form and service satellite constellations will require special consideration. Generally recognized criteria that would make it possible to identify important characteristics of the concept of "confrontation" in this sphere have not yet been established. It is not clear if it is actually possible, and under what hypothetical conditions, for special actions/operations of relevant type and intensity with the use of ICTs to fall into the concepts of "use of force" and "armed attack" under the UN Charter. It is yet to be clarified how to define the threshold of harm exceeding which would, first, mean changing the status of malicious actions (confrontation) in this sphere into that of military (armed) conflict, and, second, make it possible to regard the relevant actions/operations as the "use of force"- "armed attack"- "act of aggression". The international community has not come up with complete solutions in this area. Information and telecommunications space (understood as the space of information systems/means, the work and standard operating procedures of which may be influenced with the use of ICTs) is already considered not only within expert community but also officially, in the context of some policy objectives, as one of warfare areas. However, the general concept of "military/armed conflict in information space" has not yet been developed. Given that the phenomenon is a relatively recent one, parameters of resisting attacks involving ICTs are not regulated by international treaties, and relevant international legal practice has not yet been established. Nevertheless, there exists a precedent-setting decision to recognize, at a national level, information space as one of warfare areas, among ground, sea, air space and outer space and, consequently, to substantiate the right to use armed force in response to an impact involving ICTs. There is also a traceable tendency to accentuate applying the same norms of law in this area as in any other and, consequently, permit conducting operations with the use of force in response to an attack. Drawing out a typology of actions which could, in a preliminary way, be qualified as "aggressive actions in information and communications space pursuing military purposes" will need attention as a separate major problem that has a quite real dimension as related to outer space. This refers to situations connected with purposeful interference in space radio links that exceeds levels permitted by the ITU's Radio Regulations and leads to a disruption of normal functioning of spacecraft; gaining unauthorized access to radio links and on-board control systems of spacecraft; undertaking intended actions that impede the use of information transmitted from spacecraft. The aspect of information is the key one as concerns ensuring safety of space operations (the domain of ensuring long-term sustainability of activities in outer space) and in connection with devising effective measures to preserve outer space as a peaceful and conflict-free environment. In any context, if the needs in this area are evaluated in their totality, the aim is for international regulation to provide adequate guarantees for: security of channels of communication interaction (exchange of information in the interests of safety of on-orbit operations); security of spacecraft control systems (understood as implying not only implementation of design and engineering solutions, but also as a total of procedures agreed by the States and aimed at preventing malicious influence); completeness, reliability and timeliness of transfer of information on objects and events in outer space (not only for safety reasons, but also for preventing potential conflicts that arise from misinterpreting situations resulting from technical breakdowns or equipment failures).

• **Merging of military, civil and entrepreneurial activities**

15. Outer space has not initially been considered as an area of application of international law that is used in armed conflicts and imposes restrictions on applying means and methods of armed combat. Rules set in this branch of the law include, among other things, differentiation of military facilities from non-military facilities. As for international space law, the 1975 Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space does not require to characterize space objects from the point of view of their military or civil purpose. There is no common practice of registering space objects indicating their military nature: not all States identify the purposes of space objects launched by them. It should be taken into account that in practical terms defining separate categories of space objects may be complicated, considering the dual use of many of them, the increasing pattern of launching space objects of a declared civil purpose with hosted payloads of military nature, as well as the new unprecedented tendency for private companies and military agencies to co-finance development and operation of space objects. Thus, it is practically impossible to make the status of certain space objects subject to special legal regulation. In relation to space activities it is basically very questionable to apply "selective approach" to civil and military objects since in outer space a potential conflict can escalate immeasurably faster compared with other areas. This proves that in relation to outer space a comprehensive solution to the problem of safety and security should be searched in another dimension through realizable and functional decisions.

For example, in view of the UN General Assembly resolution 62/101 (enhancing the practice in registering space objects) and the formally existing consensus concerning the feasibility of initiating practical steps to achieve the objectives declared in it, some countries will have to make a decision to reevaluate their practice of non-furnishing of information about the objects' location in outer space by the time they enter operational orbit.

•What is the future role for proxy-actors?

16. In accordance with the UN Charter, prohibition of the use of force applies to international conflicts in which parties are subjects of international law. In this connection, it is necessary to understand what would be the status of those non-governmental entities (and their assets in space) that act as proxy actors in the interests of, with the knowledge of, and/or under instructions from the States in case of a hypothetical conflict or conduct of activities that do not meet the legitimacy criteria. Although the 1967 Outer Space Treaty provides that activities of non-governmental entities in outer space shall be authorized and continuously supervised by relevant State Party to the said Treaty, it would be appropriate to consider the grounds for qualifying certain actions carried out by such non-governmental entities (in particular with the help of space objects that belong to them/are managed by them) which may require reciprocity actions, including in self-defence. In this sense, a disorienting regulatory system may arise if a certain number of States adopt the Code of Conduct containing provisions addressed above. Obviously, instrumentalization of unauthorized supra-jurisdictional impacts on space objects under any ownership and jurisdiction postulated by this document will quite possibly be ensured, *inter alia*, by proxy actors (the draft Code of Conduct even makes reference to some unidentified "established actors" in the field of safety of space activities). The thesis promoted by some delegations in the United Nations COPUOS concerning the need to ensure direct access to national (public and private) operators of space objects for foreign entities dealing with security in space "perfectly fits" into such a system of relations. In this context, it should be born in mind that some national space doctrines assume that non-state entities may represent a "potential adversary" in outer space.

•Necessity to uphold virtues of, and provide, in full measure, continuum with, the Convention on the Prohibition of Military or Any Other Hostile Use of Environmental Modification Techniques

17. Sustainability of space technosphere is in no small degree determined by space weather factors. Change in space weather, including due to deliberate intervention, can lead to loss of functionality of a space object. For this reason, strict adherence to the Convention on the Prohibition of Military or Any Other Hostile Use of Environmental Modification Techniques which was opened for signature on 18 May 1977 and entered into force on 5 October 1978, is essential. As technology advances, it is important to ensure stability and clear application of norms under the Convention, its interpretation in all required restrictive senses. It would be possible to resolve the problem of eliminating targeted negative impact on near-Earth space by providing the interconnection between the guidelines for ensuring the long-term sustainability of outer space activities (in part relating to space weather issues) that are being developed and the Convention and its implementation mechanism, which together constitute a trusted regulatory framework. In the context of the guidelines, it would be important to uphold virtues of, and reaffirm pronounced adherence to, the Convention, give an indicative list of actions that cause or could cause damage to space environment within the meaning of the Convention. Such efforts would be in line with the common desire to eliminate any random and careless practices not only by States but also by the widening circle of "new space actors."

•No-idle questions and no-abstract speculations on the topic

18. In connection with the above, it would be appropriate to consider some situational scenarios using well-defined analytical and analyzable technical, political and legal categories. It is necessary to identify, on the basis of measurable objective criteria, central issues which could be analyzed as part of various cycles of work on the topic of self-defence in space. The first step towards developing a detailed approach to international legal aspects of self-defence in space could be the composition of a list of basic questions, such as the following:

- Is it possible, for the purpose of better defining the legal grounds for self-defence in outer space, to distinguish, in principle, the two situations – conflict situation in outer space as a continuation of an armed conflict on Earth, and a conflict situation in space as an independent (separate) phenomenon?

- What shall be the nature and characteristics (including severity) of a violent act, which could be regarded as an armed attack, so that the right of self-defence with respect to outer space could be legitimately used (realized)? What actions of technical nature could make it possible to qualify a violent act as an armed attack?

- Are States ready to adhere to the understanding that the threat of an attack on a space object which is under the jurisdiction of another State, or the threat of implementation against such object of coercive measures not related to the use of force lead to international liability of the wrongdoer but do not provide legal grounds for exercising the right to self-defence? Given the duty of States to refrain from reprisals associated with the use of force, which other types of reprisals may be carried out in the context under consideration, how to assess their legitimacy, nature and conditions of implementation?

- What is the concept of power and how it evolves in relation to the domain of outer space, taking into account modern technological capabilities, including in the military sphere (potential for not "military" but purely technological operations/activities that can create a "weapons effect" and a "use of force effect")?

Answers to these questions would condition qualification of an offense (that makes it necessary to exercise a sanction in the form of coercion) either as an international crime (act of aggression) or as an international wrongdoing, as well as definition and implementation of algorithms of influencing crisis situations in outer space and managing them.

• Advisability of approaching security realities with due prudence and rational outline

19. The Annex to this Working paper contains a table which makes it possible to rationally streamline and discipline observations on, and bring a measure of systematic order to analysis of, the topic of security in outer space. Considering the aggregate of pertinent issues in the proposed perspective will make it possible to focus primarily on obvious aspects of outer space security which are implied in the discussion of, and would be conclusively necessary to factor into, the concept of ensuring the long-term sustainability of outer space activities. It may be expected that a rational order will, thus, be infused into the consideration and ascertainment of a structure, threshold criteria and ways and means of countering risks and threats of contingencies which are not directly and predominantly linked to the problem of man-made space debris and which might be an outgrowth of certain intentional actions in outer space. It is about the types of activities in outer space which, as practice shows, are carried out by certain States on quasi-legal grounds or on the premise that such activities are not circumscribed by international law. More precisely, these are the practices associated with non-public (referred to as "clandestine" in some doctrines) operations in outer space, which may affect space objects under foreign jurisdiction and/or control. As part of such operations, actions aimed at tracking and/or influencing events in outer space are carried out. Some of these actions may represent just episodes; still some may be of a more persistent nature. Usually, such activities are based on concepts of achieving supremacy in outer space (as it is interpreted by specific States). Such supremacy is envisaged to be mainly achieved through creating the capacity for adversely affecting foreign space objects. Thus, conditions are actually created for justifying the admissibility of impeding space operations carried out by other States. There are examples of "measured" practical interference with the operation of systems under foreign jurisdiction and control, namely the activities which are not accompanied by overwhelmingly aggressive manifestations. Consequently, an attempt should be made to demarcate differing situations and scenarios conditioned by such sort of actions, and assign to each of them a set of plausible and rational actions aimed at mitigating risks and threats. Such demarcation would fulfill for political actions a very important function, *inter alia*, of forestalling any adverse development of the situation in outer space. Potentially a far reach of space security issues in the expanded format would be novel in the context of international relations. Focusing the work under this topic on the development of guidelines rather than defining recommendations and ideas would be warranted in practical terms. The Committee could make its own special contribution to the definition of the best way of converging all experience being acquired within different forums where a work-out is given to space security matters, and its release into policy in the form of practical and sufficiently effective space security safeguards. Regardless of the perspectives for achieving consensus within the Committee on the necessity to analyze space security issues more thoroughly in a way they are considered above in this paragraph, it is necessary to try to include, at least at a minimum required level, some of their aspects in the concept and guidelines for ensuring the long-term sustainability of outer space activities. Should general agreement be reached, it would become possible to study the issue of developing a separate dedicated instrument (in the form of an understanding, guidelines or articles) which could provide additional mechanisms designed to exert, through a set of positive responsibilities, moderating and restraining influence on certain activities that could potentially (predictably) be capable of provoking conflicts. As headway in the two above-indicated areas is made, it will become clear whether the issue of self-defence in outer space is susceptible to collective uniform interpretation.

Refer to Annex

• Charting the way to addressing those aspects of the long-term sustainability of outer space activities that relate to space security

20. As of February 2015, draft guidelines for ensuring the long-term sustainability of outer space activities that relate to safety of space operations distinctly lack persuasiveness as compared to the tasks the world community should solve in this area. This mismatch should be eliminated. Working papers submitted by the Russian Federation give a rather detailed description of added elements and features of the concept and guidelines for ensuring long-term sustainability of outer space activities. In order to show the existing objective interlink between factors of ensuring the long-term sustainability of outer space activities and space security, the Russian Federation submits, for consideration by the Scientific and Technical Subcommittee, the text of a potential guideline (in original versions in the Russian and English languages). Despite the fact that such regulation model would not create special legal regimes providing for comprehensive solutions, approaches adopted in the draft guideline could serve to determine, in the foreseeable future, an international baseline level for implementing the required safeguards while carrying out space operations.

Draft guideline

Implementation of operational and technological self-restraints to forestall adverse developments in outer space

As part of defining, validating and supporting their space operations tasks and requirements and space security-related guidance, operational principles and procedures as well as identifying and employing appropriate capabilities in establishing and satisfying the needs in this area, States and international intergovernmental organizations should ensure that their related governmental agencies and establishments, respectively, as well as involved non-governmental entities under their jurisdiction and/or control have basic awareness of the need to align the objectives sought and the means employed by them with criteria and requirements attributable under international law, including the principles and norms of the UN Charter and provisions of Article IX of the 1967 Outer Space Treaty, and make sure that such operations do not foster conflict of interests and are not intrusive with regard to foreign space objects, unless such interference is expressly agreed to by States or international intergovernmental organizations that exercise jurisdiction and/or control over them.

In undertaking space operations with a view to gathering information to acquire insight into objects, events and situation in near-Earth space orbit through required general surveillance and monitoring, which may presumably involve approaching at relatively short distance and close proximity flybys compromising safety and security of foreign space objects, States and international intergovernmental organizations should elaborate practical and effective safeguards to forestall adverse developments by restricting self-discretion in the use of techniques and selecting alternatives that would best satisfy safety and security needs of foreign space objects.

To avoid the evolvment of tensions or situations in outer space that could necessitate implementation of appropriate responses potentially involving procedures under Articles 2(4) and 51 of the UN Charter, States and international intergovernmental organizations, by taking full cognizance of limitations derived from international law and related internationally recognized standards to be followed when assessing and/or directing actions in outer space should, as a general rule, refrain from employing, with respect to foreign space objects, methods and techniques that they themselves would not deem pertinent and/or acceptable as applied to their own space objects.

States and international intergovernmental organizations, especially those that have relevant potentials and practices, should annually file with the UN Office for Outer Space Affairs valid statements and, as necessary, supplements/updates thereto, containing, in a generalized form, their assessment of the situation in outer space from the perspective of strategic considerations as well as characteristics (as detailed as they deem necessary) of the status of near-Earth outer space as an operating environment, specifically, phenomena and events which influence security of outer space and which should be comprehensively considered to evaluate threats and hazards for space activities.

•Approaches to shaping information environment

21. Joint defining of the range of risks and threats that occur or can occur in outer space would promote endorsement of a basic understanding of ways and means to prevent them. Modeling of response to highest priority risks and threats acquires particular importance. Such work would help to better understand how to ensure conditions for the response to be adaptable to risks and threats in practical and international legal respect, what would be the main and backup response modes. Issues which are topical for the regulation of safety and security of space activities have a broad spectrum. Many of them (e.g., related to special actions with the use of ICTs) are not sufficiently studied and remain predominantly outside international legal assessment. Situation in near-Earth orbit is the result of complex interaction of all kinds of factors conditioned by possible intentional influence on space objects, by space weather and space debris influence, as well as by technical failures due to technological imperfection. Most countries do not have the technology to effectively monitor constantly changing situation in orbit. As a consequence, they are constricted in choosing acceptable and reasonable solutions. New approaches should be applied in information sphere to advance integration of all necessary information in one complex useful in terms of functions of maintaining stability in outer space. The unified Center for Information on Near-Earth Space Monitoring proposed by Russia for establishment under the auspices of the UN would be capable of introducing necessary changes to existing information-operational paradigm, provide the international community with the fullest possible aggregate perception of a situation in outer space. Consolidation of efforts in this direction could give rise to a dedicated political process of reinforcing confidence and predictability in outer space with emphasis on collective security sustainment capabilities and procedures.

•Concluding comment

22. Member States of the Committee acting on a specified platform with the help of agreed instruments and consistently creating growing points for a political dialogue, could collectively promote agreement on basic views on relevant space security and stability aspects, having thought of and foreseen modalities or even a "roadmap" of solutions for vital issues which must predetermine the stability of the system of preserving peace in this sphere in the

security environment of the 21st century. There are opportunities to come to an agreement, and at best – act as partners in this sphere, and given interest, they can and must be realized. The forthcoming 50th anniversary of the 1967 Outer Space Treaty could give a sense of direction for drafting and, possibly, adopting a relevant joint instrument.

Tentative classification of situations in outer space that may provoke conflicts

1. GENERAL DESCRIPTION OF SITUATIONS		
<p>Situations, or preconditions for the creation of situations, that are not connected with extreme events and critical conditions, but can impel the suffering party (party affected by such events and conditions) to take response actions (remedial or more active); such situations may result from coincidence or be triggered by "unfriendly" actions aimed either at gaining, including through "mediator actors", competitive advantages, or at conducting activities with the purpose of tracking and/or influencing events in outer space.</p>		<p>Extraordinary (in technical, political and/or international legal terms) situations, in which a space object and/or related infrastructure experience critical or near-to-critical unauthorized external impact.</p>
DETAILED DESCRIPTION OF SITUATIONS		
<p>Separate instances of performing short-duration actions with respect to foreign space objects that seemingly do not testify to an intent to advance or risk a conflict, and may, in particular, include:</p> <ul style="list-style-type: none"> - approaching a foreign space object at a close distance with no intention to exert physical impact, for example, with the purpose of "inspection" (unauthorized collection of information); - creating interference in space radio links of a foreign space object, that exceeds thresholds set by the norms of the International Telecommunication Union, without causing a serious disruption of the functioning mode; - placing a significant amount of extra small (poorly tracked by monitoring facilities) space objects in intensely used areas of near-Earth space. <p>Such actions lead to relatively insignificant complications in operation.</p> <p>There is also a possibility of separate instances of unexpected (unpredicted) developments related, in particular, to:</p> <ul style="list-style-type: none"> - system failures and breakdowns (caused, <i>inter alia</i>, by perturbations of space weather) and, as a result, loss of control over a space object or loss of the ability to receive information from a space object; - inadequate assessment of technogenic risks in near-Earth space. 	<p>Established (technically confirmed) persistent/long-duration "unfriendly" actions, resulting in the limitation of a space object's functioning capacities.</p>	<p>Rigid and deliberate aggressive/malicious actions, after which the conflict takes/may take the form of confrontation.</p>

2. ACTIONS LEADING TO THE SITUATIONS		
<p>Actions which can potentially hinder the normal operation and use of a foreign space object and/or its related infrastructure:</p> <ul style="list-style-type: none"> - approaches to a foreign space object and presence in dangerous proximity to it; - placement of own space object near a foreign space object and the use of the same radio frequency band in violation of arrangements (protocols) resulting from coordination between telecommunication administrations; - unintentional provision of unreliable information on objects and events in near-Earth space. 	<p>Actions hindering normal operation and use of a foreign space object and/or its related infrastructure:</p> <ul style="list-style-type: none"> - modification of the space environment by means of generation of electromagnetic radiation, dispersion of aerosols and through the use of other means; - intentional provision of unreliable (misleading) information on objects and events in near-Earth space. 	<p>Actions preventing the normal operation and use of a foreign space object and/or its related infrastructure:</p> <ul style="list-style-type: none"> - physical (kinetic or other) impact; - use of special information and communication technologies (e.g.: seizure of control over a foreign space object, use of software and hardware to affect functional state and functional characteristics of a space object).
3. TECHNICAL IMPLICATIONS OF THE SITUATIONS		
<p>Deterioration in the performance of a space object:</p> <ul style="list-style-type: none"> - reduced operational lifetime of a space object; - impossibility to receive information from the space object; - temporary suspension of the use of ground-based systems for controlling a space object; - loss of operational capability of a space object. 	<p>Deterioration in the performance/incapacitation of a space object, infliction of considerable damage to its operation:</p> <ul style="list-style-type: none"> - significant shortening of operational lifetime of a space object; - serious deterioration of functional characteristics; - impossibility to receive information from a space object; - long-duration suspension of the use of ground-based systems for controlling a space object; - inoperability of a space object. 	<p>Failure in operation (irretrievable loss) of a foreign space object and/or its related infrastructure.</p> <p>Chaotization of the situation in outer space, including (as a result) sharp increase in the amount of space debris.</p>

Достижение единого толкования права на самооборону в соответствии с Уставом ООН применительно к космической области как фактор сохранения космоса в качестве безопасной и бесконфликтной среды и обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности

Рабочий документ, представленный Российской Федерацией

• Вопросы обеспечения безопасности космических операций и выработки руководящих принципов предотвращения конфликтных ситуаций (конфликтов интересов) в космосе тесно взаимосвязаны

1. Разработка руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности объективно задает новый вектор продвижения в направлении акцентирования потребностей в сфере безопасности космических операций и безопасности космической деятельности в целом. Благодаря ведущейся работе над этой тематикой, равно как и результатам деятельности Группы правительственных экспертов по мерам транспарентности и укрепления доверия в космосе во многом удалось создать тот системный фон, на котором имеет смысл более детально рассматривать все аспекты обеспечения такой безопасности, руководствуясь пониманием, что хорошие, нужные идеи и предложения – как уже сформулированные, так и прорабатываемые – смогут обрести форму норм поведения при наличии общей концепции, логики реализации и нормативно-регулятивных возможностей.

• Совместная сверка процедуры задействования и объема права на самооборону в космосе должна надлежащим образом соотноситься с решением задачи сохранения космического пространства для мирных целей и придавать потенциальным решениям в этой области более функциональный характер

2. Адресованное Комитету ООН по космосу в июне 2013 года в Рабочем документе Российской Федерации (А/АС.105/С.1/L.338) предложение принять решение о рассмотрении в рамках приоритетного пункта повестки дня Комитета о путях и средствах сохранения космического пространства для мирных целей правовых оснований и модальностей реализации права на самооборону, предусмотренного Уставом ООН, применительно к космическому пространству содержит важный смысл, который необходимо правильно интерпретировать. Эта инициатива не только не оппонирует фундаментальной ценности сохранения космического пространства в качестве бесконфликтной среды, но, напротив, призвана помочь сделать более четкой логику исследования взаимосвязей всех факторов безопасности в космосе и выработать совместный системный подход к обеспечению такой безопасности. Комитет, который продолжительное время находится в поисках собственной идентичности в вопросах определения путей и средств сохранения космоса для мирных целей, мог бы получить достойную сферу приложения усилий – как собственных, так и обоих своих подкомитетов. Настоящий Рабочий документ не следует ассоциировать с заявленными или подразумеваемыми принципами политики или же толковать как непременно во всех отношениях отражающий окончательно определенную официальную позицию по какому-либо конкретному аспекту рассматриваемой проблемы. Его правильнее было бы воспринимать как часть продолжающихся усилий, направленных на то, чтобы покончить со стагнацией, которой характеризуется рассмотрение в Комитете путей и средств сохранения космического пространства для мирных целей, содействовать выявлению возможностей для установления общих критериев анализа проблемы самообороны в космосе и достижению согласованного и комплексного понимания того, каким образом избегать – в контексте толкования государствами самообороны – неограниченных с их стороны действий по собственному усмотрению.

• Подход, ориентированный на толкование нормы Устава ООН о самообороне применительно к космосу, как альтернатива практике, основанной на отступлении от этой нормы

3. Можно достаточно уверенно предположить, что в рамках Комитета ООН по космосу некоторые делегации придерживаются той точки зрения, что обсуждение темы самообороны в космосе само по себе поставит под вопрос позитивную идентичность современного международного космического права, кто-то усматривает в любой потенциальной международной договоренности по данному аспекту угрозу формирования в космической области "права войны". В такое понимание со свойственным ему недоверием по отношению к анализу темы самообороны в космосе следовало бы внести коррективы. Во-первых, в отношении исследования и использования космического пространства действует международное право, основанное на Уставе ООН. Соответственно, сам по себе принцип самообороны не является исключением в общем контексте. Во-вторых, радикальное отрицание целесообразности анализа правовых и иных аспектов самообороны в космосе не выглядит разумным в условиях, когда в ряде случаев на национальных уровнях выстраивается такая архитектура безопасности в космосе, которую едва ли можно воспринимать как безусловно соответствующую принципам Устава ООН. Самооборона все больше используется как собирательное, скорее политико-техническое, нежели международно-правовое понятие. Соответственно существует опасность, что государства

не во всех случаях будут склонны выстраивать собственные концепции самообороны в космосе строго в соответствии с положениями Устава ООН, поощряя, тем самым, дискреционное регулирование в этой области. Вопрос не в целесообразности рассмотрения этого вопроса, а в том, не будет ли такое благое начинание проблематичным в условиях, когда основой мотивации в международной политике во все возрастающей степени становятся геополитические интересы, которые имеют вполне отчетливую проекцию на область космической деятельности. Тем не менее, государствам все же следует уделить этому вопросу специальное внимание, задаться целью трезво и всесторонне оценить проблему и попытаться вынести общее суждение о правовых основаниях и модальностях самообороны в космосе. В таком решении реально проявлялся бы ответственный подход государств к использованию космоса.

• Настоятельная необходимость внести определенность в ситуацию и предпочтительно достигнуть взаимопонимания на основе последовательно сформулированного и основанного на системном подходе заключения

4. Российская Федерация исходит из того, что государствам-членам Комитета по силам найти положительные аспекты взаимодействия на этом направлении, которые состояли бы в обзоре и совместной проработке политико-правовых методов, обеспечивающих правомерное и ответственное толкование права на самооборону применительно к космосу, и в достижении согласия по жизненно важной совокупности разделяемых всеми объективных оценок и заключений. Было бы полезно уяснить, как категория самообороны понимается в политико-технократической логике и чем чреватые "вольные подходы" к толкованию. В ассоциациях и выводах, которые, соответственно, возникают и делаются в академических кругах, а также в несовпадающем национальном регулировании в этой сфере обнаруживается амбивалентность понимания сути вопроса о самообороне в космосе. Отсутствует уверенность в том, что ключевые критерии для самообороны по Уставу ООН соблюдаются в рамках национальных директивных документов и будут должным образом приниматься в расчет на практике. Международному сообществу нужен комплексный инструментарий решения задач сохранения космического пространства для мирных целей. Соответственно, проблема самообороны должна быть объектом осмысления в рамках Комитета. Поддержание базовых стандартов в сфере права и безопасности должно включать функцию квалифицированного толкования принципа самообороны в космосе в строгом соответствии с основными началами международного права, воплощенными прежде всего в Уставе ООН.

• Общее видение искомых результатов

5. Цель рассмотрения особенностей гипотетического задействования права на самооборону в космосе состояла бы в выработке в многостороннем формате концептуальной позиции, отражающей баланс взглядов и интересов, который должен реально существовать в рассматриваемой области и которым не следует пренебрегать. Полезными стали бы также разработка и принятие в перспективе предписаний (даже если они будут не императивного характера), которые в рамках заложенного в них потенциала сужали бы предпосылки и основания для произвольных, субъективных и политически мотивированных интерпретаций принципа самообороны применительно к космосу, предусматривая минимально необходимые "охранительные" меры и механизмы для предотвращения критических рисков. Задача, если ее оценивать в комплексе, должна заключаться в выработке методов адекватного и соразмерного реагирования на неординарные в техническом и правовом отношениях ситуации в космосе.

• Ссылки на самооборону в международной практике и в национальных доктринах

6. Ссылки на предусмотренное Уставом ООН право на самооборону нередко содержатся в международных договорах. К примеру, в продолжающем действовать Соглашении между СССР и США о предотвращении ядерной войны от 22 июня 1973 года оговаривается, что оно не затрагивает, в частности, неотъемлемого права на самооборону, предусмотренную Статьей 51 Устава ООН. Презюмируется, что государства, делая такие оговорки в международных договорах, берут на себя всю полноту ответственности за безусловно правильное принятие решения о наличии правовых оснований для рассмотрения той или иной ситуации в качестве оправдывающей самооборону на практике. Право на самооборону фигурирует в проектах Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве (ДПРОК) и Кодекса поведения в космической деятельности (Кодекс поведения), а также в ряде национальных доктрин космической деятельности. Для доктрин ряда государств характерно ассоциирование самообороны не только со Статьей 51 Устава ООН, но и с международным обычным правом и предположительно сложившимися в международной практике правилами поведения в этой сфере, за которыми указанные государства признают юридически обязательный характер. В связи с этим вполне определенный интерес мог бы состоять в получении более четкого представления о характерных для ряда стран концепциях, которые оправдывают обращение к самообороне в случае "грозной опасности"/"крайней необходимости". Примечательно, что таких понятий Устав ООН не использует. Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость выработки общего понимания того, как право на самооборону, согласно гипотетическому сценарию, могло бы быть реализовано в космосе – иначе различные толкования легитимности и механизмов задействования такого права в конкретных

обстоятельствах будут лишь усиливать угрозы в случаях инцидентов и конфликтов интересов в космическом пространстве. Такие инциденты и конфликты не обязательно могут носить военный характер – они могут быть обусловлены как техническими сбоями, принятием неверных решений в условиях недостатка информации, так и вполне конкретными факторами конкурентной борьбы. В таких ситуациях при реализации алгоритмов реагирования на некую неблагоприятно складывающуюся обстановку в космосе государствами и их политикоформирующими истеблишментами могут быть приняты решения, не вполне адекватные с точки зрения пропорциональности реакции. Оставлять проблему толкования права на самооборону нерассмотренной означало бы, что потенциальные риски неурядиц в космосе, которые нельзя абсолютно полностью исключать, будут лишь усиливаться.

• **Доминирование в космосе пронизывает некоторые национальные доктрины**

7. В Уставе ООН изложены достаточно четкие критерии для понимания общего смысла, модальностей и функций концепции самообороны. Тем не менее, те оценочные категории, которыми могут руководствоваться государства при принятии решений о наличии оснований для задействования ими права на самооборону применительно к космосу, варьируются в каждом конкретном случае исходя из системы национальных интересов и приоритетов, которые в значительной степени формируются исходя из национальной политической культуры. Отсюда несовпадение принципов и максим толкования такого права на самооборону и, соответственно, подходов и технических решений, которые вырабатываются, планируются и реализуются на базе национальных директивных документов и придают самообороне как принципу политики стратегическое содержание. Некоторые из таких документов содержат признаки расширительного толкования самообороны как предполагающей превентивные действия (хотя превентивная самооборона Уставом ООН не допускается), а также позволяют предположить, что пропорциональность, которая должна входить в круг ограничений реализации права на самооборону, не во всех случаях надлежащим образом презюмируется. Имеются случаи легитимации использования права на самооборону в отсутствие (до наступления обстоятельств) вооруженного нападения. Оперативно-стратегические составляющие ряда доктрин предусматривают широкий спектр мер и мероприятий, основанных на абсолютном значении превентивной/опережающей самообороны. Подобные доктрины наводят на мысль, что, во-первых, функция самообороны, "техническое" значение этого термина и, соответственно, тактика, мотивация и легитимность задействования принудительных мер в значительной степени определяются национальными директивными документами и, во-вторых, подверженные изменениям (по политическим и иным причинам или в силу эволюционного развития) представления о самообороне фактически не позволяют соблюсти принцип единства толкования самообороны и обеспечить жизненно необходимую стабильность и четкость этой нормы Устава ООН применительно к космическому пространству.

• **Неприменение силы и самооборона**

8. В вопросах толкования принципа самообороны в его экстраполяции на космическую область необходимо разобраться коллективно и рассудительно, с тем чтобы эта сфера не оставалась "зоной умолчания". Конечная цель таких усилий состояла бы в прояснении всех параллелей и взаимодействий между этим принципом и столь же универсальным принципом запрещения применения силы и угрозы силой. В прямой постановке проблемы применения указанных выше двух универсальных принципов международного права и установления четкого соотношения между ними видится возможность выработки совместного понимания того, какой должна быть поведенческая модель и логика действий государств, какими соображениями и какой этикой они должны руководствоваться в рассматриваемой деликатной сфере. Такое понимание – если оно было бы оформлено, например, в виде потенциальных руководящих принципов, посвященных конкретно этой тематике – играло бы вполне определенную практическую роль в системе координат реальной политики, не позволяя государствам впадать в систему противоречий и непропорциональных реакций на возможные кризисные ситуации. Оно же могло бы способствовать тому, чтобы существующие и любые будущие концепции использования космоса, принятые на национальных или международном (в формате блоковых/союзнических отношений) уровнях и резервирующие за государствами дискреционные функции и полномочия, не обретали опасное "автономное" существование в отрыве от заложенной Уставом ООН первоосновы регулирования правомерного применения мер воздействия и принуждения. В контексте достижения такого общего понимания естественным образом сохранялась бы фундаментальная посылка, что разумной альтернативы системе международного права нет и не может быть, а правовые средства должны находиться в абсолютном приоритете по отношению к политическим соображениям.

• **Ссылки на самооборону в текущих инициативах, относящихся к безопасности в космосе**

9. Как было отмечено выше, тема самообороны присутствует в проектах ДПРОК и Кодекса поведения. Однако контекст, в котором сделаны ссылки на самооборону, принципиально различен. Проект юридически обязывающего ДПРОК содержит нормы, реализация которых в рамках предлагаемого правового режима (космос без оружия) обеспечивала бы запрет на размещение оружия в космическом пространстве, применение силы или угрозы силой в отношении космических объектов. В нем содержится оговорка, что его положения не

затрагивают право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со Статьей 51 Устава ООН. Реализация ДПРОК существенно ограничивала бы побудительные мотивы к гипотетическому задействованию права на самооборону в космическом пространстве. Существенно более широкий ракурс имеет "формула" задействования права на самооборону в проекте Кодекса поведения. То, как этот принцип предлагается "активировать" в этом документе, провоцирует серьезные вопросы. Интригу создают положения проекта Кодекса поведения, согласно которым государства-участники выражают намерение воздерживаться от любых действий, которые могли бы прямо или косвенно иметь своим результатом нанесение ущерба космическим объектам или их уничтожение, если только такие действия не продиктованы, помимо Устава ООН, включая право на самооборону, интересами снижения уровня образования космического мусора и императивными соображениями безопасности. При этом ключевое значение имеет то обстоятельство, что в документе не уточняется, должно ли касаться такое намерение государств их собственных или также иностранных космических объектов. Получается, что фактически речь идет о резервировании возможности принудительных мер, в том числе в "благих целях" снижения засоренности космоса, без получения согласия того государства, которое осуществляет юрисдикцию и контроль в отношении космических объектов согласно международному космическому праву. В результате подобной легитимации несанкционированные меры могут по существу перестать рассматриваться как объективный элемент международного правонарушения. Фактор самообороны в контексте ранжирования приоритетов в рамках проекта Кодекса поведения перестает быть исключением из общего порядка обеспечения безопасности, основанном на неприменении силы, и становится частью некоего нового базового основания применения принудительных мер в космосе. В оценке – с точки зрения Устава ООН и других общепризнанных принципов и норм международного права – нуждаются адекватность предлагаемого подхода и стремление через постулируемую проектом Кодекса поведения новую систему воззрений на обеспечение безопасности космической среды создать подобие правового титула на совершение мер, которые могут иметь "эффект применения силы". Подобные "реконструкции" базовых норм международного права можно не без оснований рассматривать в качестве способных провоцировать конфликты.

• Придание международному праву иного толкования в угоду политике

10. В общеправовом смысле понятие "Кодекс" ассоциируется с системой структурированным сводом или системно организованным пересмотром нормативных предписаний либо со сводом действующих законов в совокупности с неписанным правом, относящимся к конкретному вопросу, которые становятся цельной системой регулирования. Если предположить, что проект Кодекса поведения наделяется статусными атрибутами во многом принципиально нового (в том числе в сравнении с Договором по космосу 1967 года) свода правил, то предусмотренная этим документом схема применения права на самооборону (в совокупности с увеличенным акцентом на практикование принудительных мер под иными предлогами) и придание самообороне значения обыденного варианта действий объективно нуждаются в тщательном анализе. Подобные модели и концепты создания – на основе весьма специфического понимания соотношения категорий законности и целесообразности – новой архитектуры политики "конструктивного интервенционализма", формально диктуемой соображениями обеспечения безопасности космических операций, будут иметь своим результатом (в качестве ответной реакции) развитие в рамках национальных доктрин деятельности в космосе концепций расширенного сдерживания, более активных форм контрсиллового планирования с целью обеспечения высокой степени риска для несанкционированных надъюрисдикционных действий в отношении иностранных космических объектов. Характерное для проекта Кодекса поведения расширенное позиционирование принудительных мер (при котором в едином контексте в качестве эквивалентных рассматриваются как принудительные меры в порядке самообороны, так и аналогичные меры, диктуемые соображениями сокращения засоренности космоса) будет вполне прогнозируемо подпитывать тенденцию к стиранию граней между собственно ситуацией самообороны и иными, по сути неограниченными, проявлениями подходов, основанных на применении силы.

• Последовательное использование терминов

11. Техника рациональных решений в рассматриваемой сфере требует урегулирования вопроса с терминологией, которая очевидно имеет тенденцию к довольно хаотичному развитию. Необходимо прояснить ряд понятий, которые используются как в рамках действующего международного космического права, так и в более широком плане, например в проекте Кодекса поведения, а также в национальных директивных документах по космосу. Важные аспекты изучения имеющихся в этой области проблем связаны с такими категориями, как: "вредные помехи", "враждебные помехи ("враждебное вмешательство"), "неприемлемое вмешательство", "вредоносное воздействие", "враждебные события", "вмешательство", "попытка вмешательства", "состояние опасности/напряженности/угрозы". Например, термин "вредные помехи", который вполне уместен в рамках предусмотренной статьей IX Договора по космосу 1967 года общей политической установки, приобретает иное значение в проекте Кодекса поведения ввиду того, что причинение вредных помех фактически предлагается рассматривать как основание для несанкционированных надъюрисдикционных принудительных мер в отношении иностранных космических объектов. Очевидно, что это понятие, не детализированное в принципиально ином контексте, вполне прогнозируемо толковалось бы по-разному в

зависимости от обстоятельств. Задача выработки базовых операбельных определений актуальна также в связи с проработкой тематики долгосрочной устойчивости космической деятельности.

• **Существенно важные условия задействования самообороны**

12. Квалификация того или иного поведения (действия) государства в качестве самообороны затрагивает прежде всего проблему толкования и применения Статьи 51 Устава ООН и других его положений, формирующих систему поддержания международного мира и безопасности. Применительно к сфере космической деятельности эта проблема должна рассматриваться в непосредственной связи также с принципами и нормами международного космического права, учитывая как "сильные" характеристики, так и определенную недовершенность правового режима использования космоса. В праве на самооборону по Уставу ООН конкретизирована потенциальная и реальная возможность санкции как ответной реакции на вооруженное нападение на государство. Эта санкция подлежит реализации через действия, объективно связанные с ответным применением силы. Статья 51 Устава предусматривает самый опасный для существования государства случай – вооруженное нападение, которое и является основанием для обращения к самообороне. Самооборону в понимании правомерной меры принуждения следует в таком случае толковать как, по сути, исключение из общего запрещения применения силы или угрозы силой и одновременно средством обеспечения нормы о воздержании от применения силы в форме вооруженного нападения. В любом случае, самооборона производна по отношению к предварительному деликтному поведению другого государства. Между вооруженным нападением и задействованием права на самооборону в формально юридическом отношении нет промежуточной стадии: правом прибегнуть к непосредственной реакции в свою защиту в форме самообороны государство может воспользоваться незамедлительно. История разработки Устава, включая протокольные записи соответствующих переговоров, свидетельствуют: тогда предполагалось, что право на самооборону не возникает до факта вооруженного нападения.

• **Суверенитет и суверенные права**

13. Помимо предусмотренных Уставом ООН признаков неправомерного применения вооруженной силы, связанных с направленностью такого акта, в том числе, против территориальной неприкосновенности или политической независимости государства, в принятом Генеральной Ассамблеей ООН определении агрессии (резолюция 3314 (XXIX)) фигурирует также суверенитет государства. Это вполне логично ввиду того, что территориальная целостность и политическая независимость могут стать объектом неправомерных действий или угрозы совершения таковых именно в результате посягательства на суверенитет, т.е. полноту власти государства на своей территории. Несмотря на отсутствие исчерпывающего перечня критериев для определения содержания запрета на применение силы и угрозы силой в международных отношениях, Устав содержит указание на то, что государства должны воздерживаться от применения и угрозы применения силы не только против территориальной целостности и политической независимости государств, но и каким-либо другим способом. Такая важная оговорка, очевидно, включает, в том числе, любые действия, препятствующие осуществлению суверенитета. С понятием суверенитета органичным и неотъемлемым образом связано понятие суверенных прав, которые проистекают из самой сущности суверенитета и представляют собой конкретные права государства распространять свою власть на объекты и действия физических и юридических лиц не только в пределах своей территории, но и за ее пределами, как это должно конкретно предусматриваться международными договорами. Одним из суверенных прав государства является право осуществлять юрисдикцию и контроль в отношении космических объектов в соответствии с нормами международного космического права. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в национальных космических доктринах встречается такое понятие как "суверенные потенциалы" в космосе. Запрет на применение силы и угрозы силой, согласно заложенному в Уставе ООН подходу, распространяется, в том числе, на действия, нацеленные на воспрепятствование (ограничение) возможности осуществлять суверенитет. Хотя непосредственная взаимосвязь между суверенитетом и производными от него суверенными правами не вызывает сомнений, в международно-правовой доктрине высказывается точка зрения, согласно которой осуществление суверенных прав не тождественно суверенитету как таковому. Было бы принципиально важно прояснить, означает ли, по мнению государств, ограничение их суверенных прав в случае несанкционированного негативного воздействия на их космические объекты посягательство именно на суверенитет этих государств, ведет ли это к созданию ситуации, при которой осуществлению суверенитета наносится ущерб.

• **Угрозы в информационном пространстве**

14. Задача прояснения правовых основ действий в порядке самообороны применительно к космическому пространству объективно затрагивает проблему изучения международно-правовых аспектов конфликтов в информационном пространстве и потенциальной адаптации существующих и выработки новых принципов и норм международного права (включая гуманитарное) применительно к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и относящейся к ним инфраструктуре. Речь идет о несанкционированном и/или вредоносном воздействии с использованием ИКТ на информационно-коммуникационные сети и на

передаваемую посредством таких сетей информацию, которые представляют собой системообразующую составную часть управления важнейшими инфраструктурными объектами – не только военными, но и объектами, содержащими опасные силы (согласно понятию, выработанному международным гуманитарным правом). Особого рассмотрения потребуют соответствующие вопросы, относящиеся к объектам, образующим и обслуживающим космические группировки. В настоящее время не выработаны общепризнанные критерии, которые позволили бы выделить существенные признаки понятия "противоборства" в этой сфере. Отсутствует ясность насчет того, могут ли в принципе и при каких гипотетических условиях специальные действия/операции с использованием ИКТ соответствующей направленности и интенсивности подпадать под понятия "применение силы" и "вооруженное нападение" по смыслу Устава ООН. Предстоит прояснить, как можно было бы определить порог ущерба, превышение которого, во-первых, означало бы переход вредоносных действий (противоборства) в этой сфере в статус военного (вооруженного) конфликта и, во-вторых, позволяло бы считать соответствующие действия/операции "применением силы"- "вооруженным нападением"- "актом агрессии". В этой области международным сообществом не выработаны законченные решения. Информационно-телекоммуникационное пространство (понимаемое как пространство информационных систем/средств, на работу и штатные процедуры функционирования которых может оказываться воздействие с использованием ИКТ) рассматривается не только в экспертной среде, но уже также официально в контексте некоторых политических установок в качестве одной из сред ведения военных действий. Однако общее понятие "военный/вооруженный конфликт в информационном пространстве" на настоящий момент не сложилось. Параметры противодействия атакам с использованием ИКТ в силу относительной новизны этого явления не регулируются международными договорами, и в их отношении еще не сформировалась международная правовая практика. Тем не менее, имеется прецедентное решение признать, на национальном уровне, информационное пространство такой же средой для ведения боевых действий, как земля, море, воздушное и космическое пространства, и, соответственно, обосновать право применения вооруженной силы в ответ на воздействие с использованием ИКТ. Прослеживается также тенденция к тому, чтобы акцентировать применимость в этом пространстве тех же норм права, что и в любом другом, и, как следствие, допустимость проведения силовых операций в ответ на атаку. Разработка типологии действий, которые можно было бы предварительно квалифицировать как "агрессивные действия в информационно-коммуникационном пространстве в военных целях", потребует внимания как самостоятельная крупная проблема, у которой есть вполне реальное измерение в космической области. Речь идёт о ситуациях, связанных с созданием в космических радиоприемах целенаправленных и превышающих допустимый Регламентом радиосвязи МСЭ уровень помех, приводящих к нарушению нормального функционирования космических аппаратов; получением несанкционированного доступа к радиоприемам и бортовым системам управления космических аппаратов; осуществлением целенаправленных действий, препятствующих использованию информации, передаваемой с космических аппаратов. Информационный аспект является ключевым в вопросах обеспечения безопасности космических операций (тематика обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности) и в связи с выработкой действенных мер по сохранению космоса в качестве мирной и бесконфликтной среды. В любом контексте, если совокупно оценивать потребности в этой области, то следует вести дело к тому, чтобы международное регулирование позволяло адекватно обеспечивать: защищённость каналов информационного взаимодействия (обмен сведениями в интересах безопасности операций на орбите); защищённость каналов управления космическими аппаратами (понимаемую не только как реализацию конструкторско-технологических решений, но и как совокупность согласованных государствами процедур предотвращения вредоносных воздействий); полноту, достоверность и своевременность передачи информации об объектах и событиях в космическом пространстве (не только для безопасности, но и для предотвращения потенциальных конфликтов в результате неверной интерпретации ситуаций, возникающих вследствие технических сбоев или отказов аппаратуры).

• Совмещение военных, гражданских и предпринимательских видов деятельности

15. Космическое пространство изначально не рассматривалось в качестве потенциальной сферы действия международного права, применяемого в вооруженных конфликтах и предусматривающего ограничения на применение средств и методов вооруженной борьбы. Правила, установленные этой отраслью права, включают, среди прочего, размежевание между военными и невоенными объектами. Что касается международного космического права, то Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 года не требует характеризовать космические объекты с точки зрения их военного или гражданского предназначения. Отсутствует единая практика регистрации с указанием военной принадлежности космических объектов: не все государства идентифицируют назначение запускаемых ими космических объектов. Необходимо учитывать, что в практическом отношении выделение отдельных категорий космических объектов может быть затруднительно, учитывая двойное назначение многих из них, расширяющуюся практику запусков космических объектов заявленного гражданского назначения с попутными полезными нагрузками военного характера, а также беспрецедентную новую тенденцию, связанную с финансированием создания и эксплуатации космических объектов частными структурами и военными ведомствами. Таким образом, сделать статус определенных космических объектов предметом особого правового регулирования практически не представляется возможным. В области космической деятельности применение "избирательного подхода" в отношении гражданских и военных

объектов в принципе весьма проблематично ввиду того, что в космосе динамика разрастания потенциального конфликта может оказаться неизмеримо выше по сравнению с другими средами. Это обстоятельство подтверждает, что в космической области всеобъемлющее решение проблемы безопасности следует искать в иной плоскости посредством реализуемых и функциональных решений. Например, в свете резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/101 (совершенствование практики регистрации космических объектов) и формально существующего консенсуса относительно целесообразности инициировать практические шаги по реализации заложенных в ней целевых установок некоторым странам предстоит принять решение о переоценке их практики непредоставления информации по местоположению объектов в космическом пространстве на момент их выхода на рабочую орбиту.

•Какая роль будет отводиться акторам-посредникам в будущем?

16. Запрещение применения силы в соответствии с Уставом ООН распространяется на международный конфликт, сторонами в котором являются субъекты международного права. В связи с этим следует уяснить, каким был бы – в ситуации гипотетического конфликта или осуществления деятельности, которая не соответствует критериям правомерности – статус тех неправительственных лиц (и их собственности в космосе), которые в качестве акторов-посредников действуют в интересах, с ведома и/или по указанию государств. Хотя Договор по космосу 1967 года предусматривает, что деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника указанного Договора, было бы целесообразно рассмотреть основания для квалификации действий определенной направленности, совершаемых такими неправительственными лицами (в частности, посредством принадлежащих им/управляемых ими космических объектов) и могущих потребовать ответных действий, в том числе в порядке самообороны. В этом смысле дезориентирующая регулятивная система может сложиться в случае принятия определенным количеством государств Кодекса поведения с теми его положениями, о которых речь шла выше. Очевидно, что постулируемая этим документом инструментализация несанкционированных надюрисдикционных воздействий на космические объекты любой принадлежности и юрисдикции, вполне возможно, должна будет обеспечиваться, среди прочего, именно акторами-посредниками (в проекте Кодекса поведения даже содержится ссылка на некие, остающиеся неидентифицированными "общепризнанные акторы" в области безопасности космической деятельности). В подобную систему отношений "идеально" вписывается продвигаемый некоторыми делегациями в рамках Комитета ООН по космосу тезис о необходимости обеспечения прямого доступа к национальным (государственным и частным) операторам космических объектов со стороны иностранных структур, осуществляющих деятельность в области безопасности в космосе. В рассматриваемом контексте следует иметь в виду, что некоторые национальные космические доктрины допускают, что негосударственные организации могут выступать в качестве "потенциального противника" в космосе.

•Необходимость подтверждения достоинств и обеспечения постоянного и наиболее полного следования Конвенции о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду

17. Устойчивость космической техносферы определяется в немалой степени действием факторов космической погоды. Изменение состояния космической погоды, в т. ч. обусловленное преднамеренным воздействием, способно привести к потере космическим объектом функциональности. В силу этой причины существенно важное значение имеет неукоснительное соблюдение Конвенции о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, открытой для подписания 18 мая 1977 года и вступившей силу 5 октября 1978 года. По мере развития технологий было бы важно обеспечивать стабильность и четкость действия предусмотренных Конвенцией норм, ее толкование во всех требуемых ограничительных смыслах. Удостовериться в том, что проблема исключения целенаправленного негативного воздействия на околоземное космическое пространство имеет свое законченное решение, можно было бы, предусмотрев взаимосвязь разрабатываемых руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности (в части тематики космической погоды) с Конвенцией и предусмотренным ею имплементационным механизмом, которые в совокупности представляют собой надежную регулятивную систему. В контексте руководящих принципов было бы важно подтвердить как достоинства Конвенции, так и отчетливую приверженность ей, привести индикативный перечень действий, последствия которых означали бы причинение ущерба или были способны причинить ущерб космической среде по смыслу Конвенции. Такие усилия отвечали бы общему стремлению исключить любые случайности и проявления беспечности в практике не только собственно государств, но и расширяющегося круга "новых космических акторов".

•Непраздные вопросы и неабстрактные размышления на тему

18. В связи с вышеизложенным было бы целесообразно рассмотреть некие ситуационные сценарии, используя вполне определенные аналитические и анализируемые категории технического, политического и правового порядка. Необходимо на основе поддающихся оценке объективных критериев выявить центральные вопросы, которые могли бы анализироваться в рамках различных циклов работы по тематике самообороны в космосе.

Первым шагом на пути выработки развернутого подхода к международно-правовым аспектам самообороны в космосе могло бы стать формирование перечня базовых вопросов, таких как:

- Можно ли для цели более четкого определения правовых оснований для самообороны в космосе в принципиальном плане разграничить две ситуации: конфликтная ситуация в космосе как продолжение вооруженного конфликта на Земле и конфликтная ситуация в космосе как самостоятельное (отдельное) явление?

- Какими должны быть характер и свойства (включая степень опасности) насильственного акта, который мог бы расцениваться как вооруженное нападение, чтобы правомерно задействовалось (реализовывалось) право на самооборону применительно к космическому пространству? Какие действия технического характера могли бы позволить квалифицировать насильственный акт как вооруженное нападение?

- Готовы ли государства придерживаться понимания, что угроза нападения на космический объект находящийся под юрисдикцией другого государства, или угроза осуществления в отношении такого объекта принудительных мер, не связанных с применением силы, влечет за собой международную ответственность правонарушителя, но не дает правовых оснований для реализации права на самооборону? Учитывая обязанность государств воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы, какие могут быть иные репрессалии в рассматриваемом контексте, как оценить их правомерность, характер и условия применения?

- В чем состоит концепция силы и как она эволюционирует применительно к космической сфере с учетом современных технологических возможностей, в том числе в приложении к военной сфере (потенциал для не "военных", а сугубо технологических операций/мероприятий, которые способны создать "эффект оружия" и "эффект применения силы")?

От ответов на эти вопросы зависят квалификация правонарушения (вызывающего необходимость реализации санкции в форме принуждения) либо в качестве международного преступления (акт агрессии), либо как международное правонарушение, а также определение и реализация алгоритмов воздействия на кризисные ситуации в космическом пространстве и управления ими.

• Целесообразность оценки реального положения дел с безопасностью с надлежащей предусмотрительностью и на рациональной основе

19. Приведенная в приложении к настоящему Рабочему документу таблица позволяет рациональным образом упорядочить и сделать предметными соображения по теме безопасности в космосе и привести в ее анализ критерии системного порядка. Рассмотрение совокупности актуальных вопросов в предлагаемых плоскостях позволит, прежде всего, акцентировать внимание на тех очевидных аспектах безопасности в космическом пространстве, которые подразумеваются при обсуждении концепции обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности и которые было бы настоятельно необходимо включить в нее. Можно ожидать также, что таким образом будет придан разумный характер рассмотрению и прояснению структуры, пороговых критериев, путей и средств парирования рисков и угроз непредвиденных ситуаций, которые непосредственно и преимущественно не связаны с проблемой техногенной засоренности космоса, а могут являться результатом определённых преднамеренных действий в космосе. Имеются в виду виды деятельности в космическом пространстве, которые, как показывает практика, осуществляются некоторыми государствами на квази-правовых основаниях или в предположении, что такая деятельность не ограничена международным правом. Более конкретно, подобная деятельность ассоциируется с непубличными (именуемыми в некоторых доктринах "скрытными") операциями в космическом пространстве, которые могут затронуть космические объекты под иностранной юрисдикцией и/или контролем. В рамках таких операций осуществляются действия, посредством которых реализуется стремление отслеживать и/или оказывать влияние на события в космическом пространстве. Некоторые такие действия могут быть эпизодическими, некоторые же могут носить продолжительный характер. Такого рода деятельность, как правило, обосновывается концепциями достижения превосходства в космосе (как оно понимается конкретными государствами). В качестве ключевого средства достижения такого превосходства предусматривается создание потенциала для оказания негативного влияния на иностранные космические объекты. Таким образом, фактически создаются условия для обоснования допустимости причинения помех космическим операциям других государств. Имеются примеры осуществления на практике "дозированного" вмешательства в функционирование систем, находящихся под иностранной юрисдикцией и контролем, т.е. таких мероприятий, которые не сопряжены с чрезмерно агрессивными проявлениями. Соответственно, следовало бы попытаться провести разграничение между различными ситуациями и сценариями, обусловленными такого рода действиями, и соотнести с каждой ситуацией и с каждым сценарием некий набор вероятных и разумных мер парирования рисков и угроз. Такое разграничение выполняло бы важную функцию для политических действий, в том числе по предотвращению любого неблагоприятного развития ситуации в космосе. Потенциально широкий охват темы безопасности в космосе в ее расширенном формате носил бы совершенно особый характер в контексте международных отношений. Перевод работы над этой темой из области формулирования рекомендаций и идей в плоскость разработки руководящих принципов был бы оправданным в практическом отношении. Комитет мог бы внести свой особый вклад в определение оптимальных вариантов совмещения опыта, получаемого в рамках различных

форумов, где прорабатывается тематика безопасности в космосе, и его внедрение в политику в виде практических и достаточно эффективных мер предосторожности, относящихся к безопасности в космосе. Безотносительно к перспективам достижения Комитетом консенсуса о необходимости более глубокого анализа темы безопасности в космосе в том ключе, в котором она рассматривается выше в настоящем пункте, необходимо постараться на минимально требуемом уровне отразить ряд её аспектов в рамках концепции и руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности. В случае же достижения общего согласия стало бы возможным изучить вопрос и об отдельном специальном документе (в виде общего понимания, руководящих принципов или статей), в котором можно было бы дополнительно предусмотреть механизмы, призванные посредством совокупности позитивно сформулированных обязанностей сдерживать и ограничивать определенные виды деятельности, потенциально (прогнозируемо) способные провоцировать конфликты. По мере продвижения на указанных выше двух направлениях станет понятно, поддается ли вопрос о самообороне в космосе коллективному единому толкованию.

См. Приложение

• Определение схемы продвижения к рассмотрению аспектов долгосрочной устойчивости космической деятельности, относящихся к безопасности в космосе

20. По состоянию на февраль 2015 года проекты руководящих принципов долгосрочной устойчивости космической деятельности, имеющих отношение к безопасности космических операций, заметно менее убедительны по сравнению с теми актуальными задачами, которые мировому сообществу следует решить в этой области. Такое несоответствие необходимо устранить. В рабочих документах, представленных Российской Федерацией, дополнительные элементы и характеристики концепции и руководящих принципов долгосрочной устойчивости космической деятельности освещены достаточно подробно. Для целей визуализации объективно существующей взаимосвязи между факторами обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности и безопасности в космосе Российская Федерация вносит на рассмотрение НТПК текст потенциального руководящего принципа (в оригинальных версиях на русском и английском языках). Несмотря на то, что в таком варианте регулирования не реализовывались бы специальные правовые режимы, предусматривающие исчерпывающие решения, заложенные в проект руководящего принципа подходы могли бы в обозримой перспективе послужить установлению в международном контексте исходного уровня для реализации крайне востребованных мер предосторожности при осуществлении космических операций.

Проект руководящего принципа

Введение в практику самоограничительных мер операционного и технологического характера в целях предотвращения негативного развития ситуации в космическом пространстве

В рамках процесса определения, подтверждения целесообразности и выполнения собственных задач и требований, относящихся к космическим операциям, и связанных с безопасностью в космическом пространстве руководящих указаний, эксплуатационных (операционных) принципов и процедур, а также при определении и задействовании соответствующих возможностей для формулирования и учета потребностей в этой области государства и международные межправительственные организации должны обеспечивать, чтобы относящиеся к ним, соответственно, правительственные органы и учреждения, а также вовлеченные неправительственные юридические лица, находящиеся под их юрисдикцией и/или контролем, были в принципиальном отношении осведомлены о необходимости соотнесения искомых целей и применяемых ими средств с критериями и требованиями, относящимися к международному праву, включая принципы и нормы Устава ООН и положения Статьи IX Договора по космосу 1967 года, и принимать меры к тому, чтобы такие операции не провоцировали конфликт интересов и не носили интрузивного характера по отношению к иностранным космическим объектам, если в отношении такого вмешательства определено не выражено согласие государств или международных межправительственных организаций, осуществляющих в их отношении юрисдикцию и/или контроль.

В порядке осуществления космических операций с целью сбора информации для получения представления об объектах, событиях и обстановке на околоземной орбите посредством необходимого общего наблюдения и мониторинга, которые предположительно могут включать сближения на относительно малые расстояния и пролеты в непосредственной близости, снижающие уровень сохранности и безопасности иностранных космических объектов, государства и международные межправительственные организации должны выработать практические и эффективные меры предосторожности для предотвращения негативных сценариев развития ситуации, ограничивая использование технических методов по собственному усмотрению и выбирая альтернативные решения, которые наилучшим образом удовлетворяют потребностям обеспечения сохранности и безопасности иностранных космических объектов.

Во избежание возникновения напряженности или ситуаций в космическом пространстве, которые потребовали бы осуществления надлежащих мер реагирования с возможным задействованием процедур в соответствии со статьями 2(4) и 51 Устава ООН, государства и международные межправительственные организации, учитывая в полном объеме ограничения, обусловленные международным правом и соответствующими международно признанными стандартами, которым необходимо следовать при оценке и/или определении направленности действий в космическом пространстве, должны в качестве общего правила воздерживаться от использования в отношении иностранных космических объектов таких методов и средств, которые они сами не считали бы уместными и/или приемлемыми применительно к их собственным космическим объектам.

Государствам и международным межправительственным организациям, особенно тем, которые располагают соответствующими потенциалами и практиками, следует на ежегодной основе представлять в Управление ООН по вопросам космического пространства надлежащим образом оформленные заявления и, по мере необходимости, дополнения/уточнения к ним, содержащие в обобщенном виде их оценку ситуации в космическом пространстве с точки зрения стратегических соображений, а также характеристики (настолько детально, насколько они сочтут это необходимым) состояния околоземного космического пространства как операционной среды, в частности, явлений и событий, которые оказывают воздействие на безопасность в космическом пространстве и которые необходимо всесторонне учитывать в целях оценки угроз и опасностей для космической деятельности.

• Подходы к формированию информационной среды

21. Совместное определение диапазона рисков и угроз, возникающих и могущих возникнуть в космосе, содействовало бы выработке общего базового видения путей и средств их предотвращения. Особое значение приобретает моделирование реакции на риски и угрозы наивысшего уровня. Такая работа позволит лучше уяснить, каким образом можно обеспечить положение, при котором реакция была бы адаптивна рискам и угрозам в практическом и международно-правовом отношениях, какими могли бы быть основные и резервные способы реагирования. Вопросы, являющиеся актуальными для сферы регулирования безопасности космической деятельности, имеют широкий спектр. Многие из них (например, связанные со специальными действиями с использованием ИКТ) недостаточно изучены и остаются преимущественно вне рамок международно-правовых оценок. Обстановка на околоземной орбите является результатом сложного взаимодействия самых разных факторов, обусловленных как возможными преднамеренными воздействиями на космические объекты, так и влиянием на них космической погоды и космического мусора, а также отказами техники вследствие технологического несовершенства. Большинство стран не обладает техническими возможностями эффективного отслеживания постоянно меняющейся ситуации на орбите. Как следствие, они стеснены в выборе допустимых и целесообразных решений. Для содействия интегрированию всей необходимой информации в единый комплекс, полезный с точки зрения функций сохранения стабильности в космосе, следует применить новые подходы в информационной области. Предлагаемый Россией к созданию под эгидой ООН единый Центр информации по мониторингу околоземного космического пространства был бы способен привнести нужные изменения в существующую информационно-операционную парадигму, обеспечить для международного сообщества возможно более полное совокупное представление о ситуации в космосе. Объединение усилий на этом направлении смогло бы положить начало целенаправленному политическому процессу укрепления доверия и предсказуемости в космосе с акцентом на коллективные функции и процедуры в области поддержания безопасности.

• Заключительный комментарий

22. Государства-члены Комитета, действуя на определенной платформе с помощью согласованных инструментов и последовательно создавая точки роста политического диалога, могли бы коллективно способствовать выработке согласия по поводу базовых воззрений на соответствующие аспекты безопасности и стабильности в космосе, продумав и предусмотрев модальности или даже "дорожную карту" решения стержневых вопросов, которые должны предопределять устойчивость системы поддержания мира в этой среде в обстановке безопасности XXI века. Возможности договариваться, а в лучшем случае – партнерствовать на этом направлении существуют, и при наличии интереса их можно и нужно реализовать. Предстоящий пятидесятилетний юбилей Договора по космосу 1967 года мог бы стать ориентиром для подготовки и возможного принятия соответствующего совместного документа.

Ориентировочная классификация ситуаций в космосе, способных спровоцировать конфликты

1. ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ СИТУАЦИЙ		
<p>Ситуации или предпосылки к созданию ситуаций, которые не связаны с экстремальными событиями и критическими условиями, но могут побудить пострадавшую сторону (сторону, испытывающую воздействие таких событий и условий) к ответным действиям (корректирующим или более активным); такие ситуации могут быть вызваны случайным стечением обстоятельств или спровоцированы "недружественными" действиями, нацеленными либо на получение, в том числе через "акторов-посредников", преимуществ в конкуренции, либо на осуществление деятельности по отслеживанию событий в космосе и/или оказанию влияния на события в космосе.</p>	<p>Неординарные (в техническом, политическом и международно-правовом отношениях) ситуации, при которых на космический объект и/или связанную с ним инфраструктуру оказывается критическое или граничащее с критическим несанкционированное внешнее воздействие.</p>	
ДЕТАЛИЗАЦИЯ ОПИСАНИЯ СИТУАЦИЙ		
<p>Отдельные случаи совершения в отношении иностранных космических объектов непродолжительных по времени действий, которые по внешним признакам не свидетельствуют о намерении инициировать конфликт или создать риск его возникновения и могут, в частности, включать:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сближение с иностранным космическим объектом на малое расстояние без намерения оказать физическое воздействие, например, для "инспекции" (несанкционированного сбора информации); - создание космическим радиолиниям иностранного космического объекта помех, превышающих пороги, установленные нормами Международного союза электросвязи, но не приводящих к значимому нарушению функционирования; - размещение значительного количества сверхмалых (плохо наблюдаемых средствами мониторинга) космических объектов в интенсивно используемых областях околоземного пространства. <p>Такие действия имеют своим результатом условно несущественные осложнения в операционной деятельности.</p> <p>Возможны также отдельные случаи непредвиденного (неспрогнозированного) развития ситуации, связанные, в частности:</p> <ul style="list-style-type: none"> - со сбоями и отказами систем (в т.ч. обусловленными возмущениями космической погоды) и, как следствие, потерей управления космическим объектом или потерей возможности получения информации с космического объекта; - с неадекватной оценкой техногенных рисков в околоземном космическом пространстве. 	<p>Установленные (технически подтвержденные) стойкие/длительные "недружественные" действия, повлекшие ограничения возможностей функционирования космического объекта.</p>	<p>Жесткие и преднамеренные агрессивные/вредоносные действия, при которых конфликт переходит (может перейти) в конфронтационную форму.</p>

2. ДЕЙСТВИЯ, ПРИВОДЯЩИЕ К ВОЗНИКНОВЕНИЮ СИТУАЦИЙ		
<p>Действия, которые потенциально могут затруднить нормальную эксплуатацию и применение иностранного космического объекта и/или связанной с ним инфраструктуры:</p> <ul style="list-style-type: none"> - подлеты к иностранному космическому объекту и нахождение в опасной близости от него; - размещение собственного космического объекта вблизи иностранного космического объекта и использование той же полосы радиочастотного спектра с нарушением условий (протоколов), достигнутых в рамках координации между администрациями связи; - непредумышленное предоставление недостоверной информации об объектах и событиях в околоземном космическом пространстве. 	<p>Действия, затрудняющие нормальную эксплуатацию и применение иностранного космического объекта и/или связанной с ним инфраструктуры:</p> <ul style="list-style-type: none"> - модификация космической среды посредством генерации электромагнитного излучения, рассеяния аэрозолей и иными способами; - предумышленное предоставление недостоверной (вводящей в заблуждение) информации об объектах и событиях в околоземном космическом пространстве. 	<p>Действия, исключающие нормальную эксплуатацию и применение иностранного космического объекта и/или связанной с ним инфраструктуры:</p> <ul style="list-style-type: none"> - физическое (кинетическое или иное) воздействие; - применение специальных информационно-коммуникационных технологий (например, перехват управления иностранным космическим объектом, программно-аппаратное воздействие на их функциональное состояние и функциональные характеристики).
3. ТЕХНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СИТУАЦИЙ		
<p>Ухудшение функциональных характеристик космического объекта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сокращение срока функционирования космического объекта; - невозможность получения информации с космического объекта; - временное приостановление применения наземных средств управления космическим объектом; - потеря работоспособности космического объекта. 	<p>Ухудшение функциональных характеристик/вывод из строя космического объекта, ощутимый урон выполнению функции:</p> <ul style="list-style-type: none"> - значительное сокращение срока функционирования космического объекта; - существенное ухудшение функциональных характеристик; - невозможность получения информации с космического объекта; - длительная приостановка применения наземных средств управления космическим объектом; - выход из строя космического объекта. 	<p>Выведение из строя (безвозвратная потеря) иностранного космического объекта и/или связанной с ним инфраструктуры.</p> <p>Хаотизация ситуации в космосе, включая (как результат) резкое увеличение количества объектов космического мусора.</p>